

УДК 930.25(470)

Благосостояние семьи князей Белосельских-Белозерских в 1890–1917 гг.

Евгений Е. Юдин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, evgeny_yudin@mail.ru*

Аннотация. В статье на основании некоторых малоизвестных документов из личного фонда князей Белосельских-Белозерских в Российском государственном архиве древних актов рассматривается проблема экономической адаптации крупных земельных собственников в условиях индустриальной модернизации России в 1890–1917 гг. Основу собственности этой аристократической семьи составлял огромный комплекс земельных владений в уральских губерниях. Эти несельскохозяйственные имения могли предоставить своим владельцам в новых экономических условиях прекрасные возможности по увеличению доходов и общего благосостояния. Главное внимание уделяется экономическим и финансовым решениям владельцев в отношении уральских промышленных предприятий и городской недвижимости. Рассматриваются также некоторые аспекты частной, повседневной жизни этой аристократической семьи, в том числе связанные с использованием обширных владений на Крестовском острове в Санкт-Петербурге. Делается вывод о крайне неоднозначных последствиях экономической политики князей Белосельских-Белозерских в рассматриваемый период. Отказ от самостоятельного управления и финансирования уральскими заводами привел, с одной стороны, к утрате земельной собственности, с другой же стороны способствовал переводу основных активов в банковские капиталы и ценные бумаги. Правительственная поддержка в 1880–1890 гг. горного округа Белосельских-Белозерских и, тем более, установление в дальнейшем опеки отнюдь не являлись благотворительностью. Финансовые неудачи в организации промышленного производства привели к вполне разумному решению о продаже уральских владений.

Ключевые слова: князья Белосельские-Белозерские, русская аристократия, земельная собственность, уральская промышленность, городская недвижимость, Крестовский остров

Wealth of the princes
Beloselsky-Belozersky family
in 1890–1917

Evgeny E. Yudin

*Moscow State University of Education,
Moscow, Russia, evgeny_yudin@mail.ru*

Abstract. In the article with reference to some little-known documents from the personal fund of the princes Beloselsky-Belozersky in the Russian State Archive of Ancient Acts, an issue of economic adaptation of large land-owners in the conditions of industrial modernization of Russia in 1890–1917 is considered. The basis of the property of this aristocratic family was a huge complex of land holdings in the Ural provinces. These non-agricultural estates could provide their owners in the new economic conditions with excellent opportunities to increase incomes and general well-being. The main attention is paid to the economic and financial decisions of the owners in relation to the Urals industrial enterprises and urban realty. Some aspects of the private, everyday life of this aristocratic family are also considered, including those connected with the use of extensive estates on Krestovsky island in St. Petersburg. The conclusion is made about the extremely ambiguous consequences of the economic policy of the princes Beloselsky-Belozersky in the period under review. The refusal of independent management and financing of the Ural factories led, on the one hand, to the loss of landed property, on the other hand, it facilitated the transfer of basic assets into bank capital and securities. Government support in the 1880–1890s of the mining district of Beloselsky-Belozersky, and, moreover, the establishment later on of guardianship were by no means a charity. Financial failures in the organization of industrial production led to a completely reasonable decision to sell the Ural possessions.

Keywords: princes Beloselsky-Belozersky, Russian aristocracy, landed property, industry in the Urals, urban realty, Krestovsky island

Введение

Доминик Ливен высказал в свое время предположение, что большинство уральских землевладельцев в начале XX в. все еще относилось к группе сверхбогатых людей в России. При этом большинство шахт и металлургических предприятий этого региона находилось в состоянии кризиса. Он обратил внимание, в частности, что огромные земельные владения и промышленные предприятия на Урале князей Белосельских-Белозерских (372 748 дес.) не только не давали больших прибылей, но и находились на грани банкротства, от которого владельцев спасла лишь помощь государства и доход от городской собственности в С.-Петербурге [1 с. 68–69]. Его выводы основывались исключительно на исследованиях советских историков, опубликованных в 1960–1980-е гг. В советской историографии крупные уральские собственники рассматривались как оплот «полукрепостнических пережитков» в промышленности, их предприятия в период 1890–1914 гг. определялись как экономически неэффективные и пораженные глубоким структурным кризисом. Как следствие, возможность поддержания высокого уровня благосостояния этой группы аристократов связывалась с прямой государственной поддержкой и консервацией их сословных привилегий. В то же время Д. Ливен высказал предположение, что если бы не революция, лишившая владельцев их уральской собственности, строительство железных дорог и развитие промышленности со временем восстановили бы стоимость крупных имений Урала, в Пермской и Уфимской губерниях. Но применительно к периоду 1900–1914 гг. он был солидарен с мнением, что большинство из уральских владений русской аристократии не представляло собой большой ценности для владельцев [1 с. 68–69].

Крупнейшие уральские землевладельцы

Действительно, оценить однозначно благосостояние и динамику доходов этих аристократических семей уральских землевладельцев (Строгановых, Демидовых, Шуваловых, Белосельских-Белозерских) достаточно трудно. С одной стороны, они обладали самыми обширными частными земельными владениями в России и значительными промышленными и сырьевыми фондами. С другой стороны – в рассматриваемый период 1890–1914 гг. относительно низкая стоимость земли в уральских губерниях, отсутствие по естественным причинам здесь сельскохозяйственных доходов

в сочетании со структурным кризисом частновладельческой промышленности в этом регионе должны были привести к резкому падению доходов этой группы аристократов. Возможности диверсификации хозяйства здесь были ограничены. Устаревшие промышленные комплексы уральских землевладельцев встретились с серьезной конкуренцией со стороны новой крупнокапиталистической промышленности и экономической экспансией крупных акционерных компаний и банков. В то же время, если исходить из экономических интересов этой группы русских аристократов, новые экономические условия давали и новые возможности укрепления своего благосостояния. Определившаяся со временем стратегия могла заключаться не только в серьезной перестройке собственного хозяйства (что требовало значительных долгосрочных инвестиций и личной инициативы), но и получения выгоды от акционирования собственных предприятий, продажи прав собственности и переориентацию на положение рантье. Вовсе необязательно подобная стратегия предполагала прямое государственное вмешательство.

Во многом также являются преувеличенными представления об упадке уральской промышленности в пореформенный период. Напротив, в 1861–1900 гг. доходность предприятий привела к ликвидации значительной части задолженности. В 1860 г. задолженность в сумме 12,4 млн руб. имели 13 округов, а в 1900 г. – только шесть предприятий в сумме 3,8 млн руб. К 1900 г. на Урале насчитывалось 32 горных округа. Новым владельцам (купцы, иностранные компании и пр.) принадлежало 19 хозяйств. Среди новых владельцев были и аристократы. В 1879 г. князь С.М. Голицын и французская финансовая группа арендовали Нытвинский округ. В 1890–1898 гг. барон С.П. фон Дервиз купил Инзеровский округ. В 1900 г. князь С.Е. Львов приобрел Пожевский округ. 13 хозяйств к 1900 г. принадлежало старым владельцам. Среди них была широко представлена титулованная аристократия: графиня С.П. Гендрикова и граф Н.П. Гудович, герцогиня Лейхтенбергская, баронесса В.А. Меллер-Закомельская, графы Орловы-Денисовы, князь С.М. Голицын. В единоличной собственности находились округа: Чермоцкий (князь Е.Х. Абамелек-Лазарев), Строгановский (граф С.А. Строганов), Симский (И.П. Балашов), Верхисетский (граф Н.А. Стенбок-Фермор), Лысьвенский (граф П.П. Шувалов), Воскресенский (В.А. Пашков), Южно-Камский (А.П. Шувалов) и, конечно же, огромные владения Демидовых, князей Сан-Донато [2 с. 42–45]. Князья Белосельские-Белозерские также принадлежали в начале XX в. к этой группе старых

уральских землевладельцев. Именно эти фамилии, как зачастую отмечается, составляли своеобразную социально-экономическую и социопсихологическую общность и привыкли действовать в малоконкурентном поле, при правительственной опеке и поддержке. Наследники этих родов к началу XX в., как полагает Л.В. Сапоговская, были настроены в новых экономических условиях бороться за сохранение своей собственности на Урале, которая веками приносила им стабильный доход. Помимо сугубо практических соображений, они руководствовались также особым отношением этического свойства к своим родовым владениям. Новые возможности индустриальной эпохи в свою очередь открывали перед ними доступ к прогрессивному опыту в технологической, организационной, финансовой и управленческой сферах [3 с. 19]. Экономическая стратегия князей Белосельских-Белозерских, как правило, рассматривается как неудачный пример адаптации в рамках «капиталистической модернизации» крупного уральского владения. Что в большей степени этому способствовало – профессиональная некомпетентность аристократических владельцев, сложность экономической конъюнктуры, частные ошибочные финансовые решения или роль случая – остается не до конца ясным.

Земельные владения, благосостояние и повседневная жизнь князей Белосельских-Белозерских

Эта знатнейшая фамилия потомков владетельных правителей и героя Куликовской битвы к началу XX в. была представлена князем Константином Эсперовичем Белосельским-Белозерским (1843–1920), генерал-майором, постоянным членом Главного управления Государственного коннозаводства, его женой княгиней Надеждой Дмитриевной (урожденной Скобелевой) (1847–1920) и их детьми: Сергеем (род. 1867), Эспером (род. 1871), Еленой (род. 1869), Ольгой (род. 1874) и Марией (род. 1883) [4 л. 1–5]. В 1894 г. старший сын поручик запаса князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский вступил в брак с американской гражданкой Сьюзен Таккер-Уиттиер (Susan Tucker-Whittier). Венчание состоялось в русской церкви Александра Невского в Париже [5 л. 1].

По данным за 1894 г. семья князей Белосельских-Белозерских обладала огромным состоянием, включавшим в себя два дома в Санкт-Петербурге и имения в разных губерниях (более 400 тыс.

дес.) [4 л. 5]. Первым владельцем горных заводов и земель на Урале стал еще князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752–1809), получивший в качестве приданого за женой А.Г. Козицкой дачи Катавских заводов в Уфимской губернии. В 1880-х гг. его внук Константин Эсперович покупкой дачи Юрюзановского завода у генерала Сухозанета увеличил площадь своего имения до 363 344 дес. [6 с. 52]. Это владение было записано на имя княгини Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской, и только по дарственной записи от 28 февраля 1901 г. оно формально перешло в собственность ее мужа [7 л. 8–9]. В том же 1901 г. княгиня Белосельская-Белозерская была утверждена в правах на наследство герцогини Зинаиды Дмитриевны Лейхтенбергской. В результате к семье Белосельских-Белозерских перешли земли в нескольких уездах Тамбовской губернии общей площадью 8 322 дес. [8 л. 1–2]. По подсчетам Л.П. Минарик, тамбовские имения Надежды Дмитриевны Пашковское, Ивановка-Скобелевка и Алатырское насчитывали 9 400 дес. Также Белосельским-Белозерским принадлежало Льяловское имение в Московской губернии. Общая площадь земельных владений этой княжеской семьи составляла 372 748 дес. [6 с. 52]. Несложно заметить, что в своей основе эти владения были сконцентрированы в уральских губерниях. Это во многом объясняет, что в своей экономической политике Белосельские-Белозерские в большей степени ориентировались не на доходы от сельскохозяйственных имений, а на модернизацию своих промышленных предприятий на Урале. Вплоть до 1917 г. эта аристократическая семья продолжала вести привычную жизнь, при которой уровень личных расходов оставался на высоком уровне. Как отмечается в исследованиях, пышные балы, устройство концертов в своих дворцовых резиденциях, яхт-клуб и прочие увлечения князя Константина Эсперовича уже в 1870–1880-гг пошатнули финансовое положение семьи. Это во многом и определило последовавшие попытки серьезной перестройки промышленного производства в уральских владениях. Значительных затрат требовало служебное положение членов семьи. Князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский с 1861 г. с перерывами находился на службе в лейб-гвардии Конном полку. В 1881–1895 гг. он числился флигель-адъютантом императора, в 1896–1906 гг. находился в свите императора, а с 1906 г. стал генерал-адъютантом. Его старший сын, князь Сергей Константинович также проходил службу с 1888 г. в лейб-гвардии Конном полку. В предвоенные годы он командовал 3-м драгунским Новороссийским полком и лейб-гвардии Уланским полком. В 1911 г. становится генерал-адъютантом императорской свиты, а в декабре 1913 г.

получает должность командира 1-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии [9 с. 78–83]. Традиционно служба в гвардии, особенно в кавалерийских частях, требовала значительных расходов. В то же время до самой революции Белосельские-Белозерские без особых затруднений содержали роскошный дворцовый комплекс на Крестовском острове с большим штатом служащих. Даже в ноябре 1917 г., когда члены семьи уже переехали в Финляндию, во дворце оставался дворецкий и несколько слуг [10 с. 62]. По воспоминаниям князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского (род. в 1895 г.), в предвоенные годы повседневная жизнь в их доме на Крестовском острове по-прежнему состояла из представительных приемов, спортивных и иных развлечений. Гостями этой княжеской семьи были в основном офицеры гвардейских полков и представители иностранного дипломатического корпуса при российском дворе [10 с. 15–16]. В усадьбе была устроена площадка для игры в поло. На сохранившейся фотографии (1913 г.) можно видеть, например, следующих участников этих состязаний: австрийского военного атташе князя Гогенлоэ, 1-го секретаря британского посольства Фипса, 2-го секретаря британского посольства Хендерсона, великого князя Дмитрия Павловича, австрийского дипломата барона Экономо и других лиц [10 с. 19]. Князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский финансировал спортивный клуб «Спорт» в Петербурге. С 1898 г. он являлся членом Крестовского лаун-теннисного клуба, с 1902 г. – председателем Петербургской лиги футбола и хоккея на льду, а с 1905 г. – председателем Лиги хоккеистов С.-Петербурга. Крупные средства также тратились им на содержание скаковых конюшен. Его младший брат, князь Эспер Константинович, находившийся с 1892 по 1906 г. на морской службе, был известным яхтсменом. Он входил в олимпийскую сборную России и стал бронзовым призером V Олимпийских игр в Стокгольме в 1912 г. в парусном спорте в командной гонке на яхте «Галлия II» [9 с. 82–86]. Определенная часть личных расходов членов семьи традиционно направлялась на благотворительные цели. Княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская-Белозерская, сестра знаменитого «белого генерала» М.Д. Скобелева, после смерти брата приняла участие в организации «Скобелевского общества» и возглавила его комитет. На ее личные средства были созданы два инвалидных дома. Один – на Крестовском острове, другой – в имении Троицкое Тамбовской губернии. Ее дочь, княгиня Ольга Константиновна Орлова (ее муж князь В.Н. Орлов, входивший в ближайшее окружение императора Николая II и возглавлявший военно-походную канцелярию, также обладал значительным состоянием) во время войны

1914 г. пожертвовала оборудование и деньги на содержание 30 коек в Царскосельском госпитале Красного Креста и дважды жертвовала значительные денежные суммы на содержание раненных в других госпиталях. Любопытно, что свой знаменитый портрет кисти В.А. Серова княгиня Орлова отказалась продавать и безвозмездно передала его в музей русской живописи имени Александра III, очевидно, в деньгах не нуждаясь. Жена князя Сергея Константиновича Белосельского-Белозерского Сюзанна Такер также в период войны принимала участие в содержании лазарета при храме «Спас на водах» [11 с. 90].

Развитие заводского хозяйства князей Белосельских-Белозерских на Урале

Подробное исследование уральского хозяйства князя К.Э. Белосельского-Белозерского уже предпринималось в историографии. Так, в частности, факт выдачи правительственных ссуд князю Белосельскому-Белозерскому специально рассматривался в свое время еще И.Ф. Гиндиным в качестве примера особой поддержки правительства уральских землевладельцев [12 с. 123–129]. Напротив, Ю.А. Буранов справедливо подчеркивал, что этот факт не был характерен. Более того, князь К.Э. Белосельский-Белозерский получил крупную правительственную ссуду, поскольку взял на себя обязательства (и выполнил их) по производству рельсов [2 с. 40–41]. В 1869 г. в результате раздела семейных владений с сестрами – княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой и графиней Ольгой Эсперовной Шуваловой – князь Константин Эсперович стал единственным владельцем Усть-Катавского заводского округа [7 л. 8–9]. В 1870-е гг. он вложил в заводы около 0,5 млн руб. (в 1870 г. все его недвижимое имущество оценивалось в 4 млн руб. серебром), не проводя технического перевооружения цехов и фабрик, не меняя ассортимент продукции [13 с. 28]. В результате предприятия, которыми по доверенности руководили управляющие, оказались, как и многие другие горные округа частных владельцев, в тяжелом структурном кризисе. В последующие годы князь К.Э. Белосельский-Белозерский объединил два своих уральских владения – Катавский (200 512 дес.) и Юрезанский (166 705 дес.) округа – в единое хозяйство и стал инициатором создания Южно-Камского анонимного металлургического общества. В 1876 – 1879 гг. он получил ссуду от государства под залог металла, используя эти средства для оборотных средств и переоборудования заводов. В 1880 г. ему была выдана казначейская ссуда в 2,5 млн руб. В 1886–1887 гг. ссуда была

рассрочена на 20 лет при 6% годовых. В 1887 г. ссуда по указанию императора Александра III была отсрочена еще на 6 лет. В 1891 г. срок вновь был продлен до 1928 г. при 5% годовых. Поскольку князь К.Э. Белосельский-Белозерский задерживал выплату (хотя и внес около 1 млн руб.), долг его хозяйства достиг к 1891 г. 2 755 тыс. руб. И.Ф. Гиндин полагал, что в результате князь обновил производство, но доходы шли или на погашение ссуды, или на потребительские расходы [12 с. 123].

В 1890-е гг. князь Белосельский-Белозерский обратился к частному капиталу с целью привлечения средств для финансирования собственного хозяйства. Это была вполне разумная мера, к которой прибегали и другие крупные уральские собственники. На практике это могло осуществляться как за счет получения кредитов под залог собственности в коммерческих банках, так и в результате прямого привлечения акционерного капитала. К этому времени на предприятиях округа была уже проведена значительная модернизация. На Катав-Ивановском чугуноплавильном, железоделательном и рельсопрокатном заводе была увеличена высота доменных печей, установлены три аппарата Каупера, в дополнение к существующим двум бессемеровским конверторам пущена мартеновская печь, ликвидировано устаревшее пудлинговое производство, пущены мощные прокатные станы, закупленные в Бельгии [14 с. 417]. Князь К. Э. Белосельский-Белозерский заложил свой Катав-Ивановский округ в Нижегородско-Самарском банке за 2,8 млн руб. и Крестовский остров в Санкт-Петербурге в Петербургско-Тульском земельном банке за 0,85 млн руб. и, полностью рассчитавшись с государством (на что в отличие от И.Ф. Гиндина указывает Ю.А. Буранов), вступил в соглашение с бельгийскими финансистами. Устав «Южно-Уральского анонимного общества» – арендатора заводов князя К.Э. Белосельского-Белозерского был утвержден 10 декабря 1898 г., а окончательное соглашение было заключено в ноябре 1900 г. По условиям договора владелец передавал Южно-Уральскому обществу в аренду на 60 лет свой второй Катав-Ивановский округ с заводами при гарантии выплаты ему ежегодно 250 тыс. руб. арендной платы и с доплатой 30% от суммы чистой прибыли, получаемой сверх 300 тыс. руб. дохода. Все взносы по заложенным имениям должно было платить общество. Оборотный капитал на развитие дела планировалось при этом получить от реализации нового выпуска акций путем увеличения основного капитала до 14 млн франков (12 тыс. новых акций по 500 франков и на 2 млн франков облигаций). Проблема же заключалась при этом в том, что бельгийские финансисты в дальнейшем не оплатили выпуски акций. В результате Белосель-

ский-Белозерский был вынужден взять на себя новое обязательство на выпуск 5,5 тыс. акций на сумму 1 018 518 руб., сосредоточив в своих руках уже 10 тыс. акций. Остальные 7,5 тыс. акций и 2 тыс. облигаций не были реализованы. Оказавшись главным держателем акций общества, основной капитал которого составил 8 750 тыс. франков, Белосельский-Белозерский был вынужден его же и финансировать. Чтобы спасти начатое предприятие, он добился получения в июле 1900 г. у Государственного банка неуставной суммы в 1 млн руб. Ссуда эта была переведена Южно-Уральскому обществу под векселя князя [2 с. 96–98]. К этому времени Усть-Катавский завод был перепрофилирован в вагоностроительный. На нем был запущен рессорный цех с электрическими двигателями. Построен литейный цех с двумя вагранками и двумя электромоторами, установлена паровая машина мощностью в 600 л. с., гидравлические прессы, металлорежущие станки. На Катав-Ивановском заводе были перестроены доменные и мартеновские печи, расширено литейное производство. Началось изготовление осевых и рессорных стальных, вагонных колес и прочих принадлежностей для вагонов. В 1901 г. было произведено 762 товарных вагона, в 1903 г. – 1 320. Однако из-за отсутствия спроса на рельсы, резкого сокращения заказов на вагоны, слабого спроса на сортовое железо округ работал с убытком [14 с. 453].

Ю.А. Буранов, полемизируя с И.Ф. Гиндиным, отмечал, что неуспех предприятия князя К.Э. Белосельского-Белозерского заключался в отказе от финансирования предприятия бельгийским капиталом. Что же касается самого владельца, то «у него свободных средств для финансирования общества, видимо, не было». По мнению Ю.А. Буранова, «дело заключалось в том, что все уральские предприятия в изменившихся условиях пореформенного периода могли приносить крупный доход только при возрастании объема производства, что, естественно, требовало крупных затрат». В отношении отмечаемого И.Ф. Гиндиным какого-то особенного «потребительства» Белосельского-Белозерского Ю.А. Буранов обращает внимание как на то, что это было в целом типично для уральской аристократии, так и на то, что траты Абамалек-Лазаревых, Строгановых и Демидовых, например, были еще значительнее. В итоге Ю.А. Буранов приходит к выводу, что уральские предприятия только тогда могли давать устойчивую прибыль, когда они основательно и постоянно финансировались. Финансирование же хозяйства князя К.Э. Белосельского-Белозерского со стороны государства и частных банков носило в целом ненадежный характер [2 с. 99]. В данном случае эта аристократическая семья столкнулась с общей проблемой для всех

частных уральских собственников. Модернизация предприятий и расширенное воспроизводство продукции в новых экономических условиях начала XX в. требовали постоянного увеличения инвестиций и более профессионального управления. Приход на Урал крупного акционерного и банковского капиталов был вопросом только времени. Для нескольких аристократических семей, имевших крупные владения в этом регионе, это было во многом выходом из сложной финансовой ситуации. Утрата прав собственности на промышленные предприятия и даже собственнo земельные владения могла быть компенсирована получением значительных капиталов в ценных бумагах или денежной форме.

В 1903 г., после полного финансового краха своего предприятия, князь К.Э. Белосельский-Белозерский лично попросил царя о создании «особого, вне общего порядка, опекунского управления» над своим имуществом. В журнале Комитета финансов от 3 февраля 1903 г. приведено признание уфимского губернатора о состоянии дел князя Белосельского-Белозерского: «Хозяйство на заводах князя Белосельского-Белозерского уже давно велось не вполне правильно в том смысле, что все свободные деньги постоянно требовались собственникам на личные расходы, и часто из-за этого настоятельнейшие потребности заводов по ремонту и улучшению постановки заводского дела не удовлетворялись; истребование же в Петербурге последних небольших оборотных средств завода, с трудом собранных одним из управляющих заводами в течение нескольких лет, побудило его оставить управление заводами» [15 с. 83–84]. Эта опека была организована. В том же году князь разорвал арендный договор с Южно-Уральским обществом. Используя благоприятные условия опеки, опираясь на прямую помощь Николая II, опекуны добились сохранения за князем земельных владений округа, но финансовой помощи для дальнейшего развития предприятия они не получили. В 1908 г. вполне перспективные в производственном отношении предприятия в Катав-Ивановском округе Белосельского были остановлены [2 с. 166–167]. При этом на Юрюзановском заводе все оборудование было полностью демонтировано, и значительная его часть распродана на металлолом [14 с. 453]. За князем остались лишь земельные владения. По воспоминаниям князя С.С. Белосельского-Белозерского, его отец, князь Сергей Константинович, к которому перешли вопросы управления обширными имениями семьи, в предвоенные годы достаточно часто посещал свои уральские владения [10 с. 23]. Расчеты его с иностранными компаниями по другой части горнозаводской собственности,

Южно-Уральскому обществу, затянулись до 1917 г. В итоге сохранить свою заводскую собственность на Урале Белосельский-Белозерский не смог, несмотря на проявленную активность, поддержку правительства, привлечение иностранных капиталов и сотрудничество с коммерческими банками. В то же время князь получил в итоге от продажи Катав-Ивановского округа несколько миллионов рублей, значительный пакет акций, а также счет в С.-Петербургском международном банке. Белосельский-Белозерский получил 4,8 млн руб. векселями, 52 тыс. акций объединенного общества, а на счету в С.-Петербургском международном банке за ним числилось 3,9 млн руб. [3 с. 23]. Еще в 1913 г. из опеки был изъят Крестовский остров, что свидетельствовало о постепенном восстановлении финансового положения княжеской семьи.

Как следует из записи в нотариальной книге по Уфимскому и Златоустовскому уездам за 1918 г., князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский с разрешения Министерства торговли и промышленности в декабре 1917 г. продал Акционерному обществу Белорецких железоделательных заводов Пашковых свои владения на Урале. Речь шла об имениях в Уфимском и Златоустовском уездах под названием «Юрюзань. Ивановский и Минский железоделательные горные заводы», доставшиеся князю Белосельскому-Белозерскому от жены княгини Надежды Дмитриевны по дарственной записи от 28 февраля 1901 г. Свободные от крестьянского надела земли насчитывали здесь 165 092 дес. К 1918 г. в этих имениях состояло 119 000 дес. Также речь шла об имении в Уфимском и Златоустовском уездах – «Катав-Ивановский и Усть-Катавский железоделательные горные заводы, доставшиеся князю Белосельскому-Белозерскому по раздельному акту с княгиней Еленой Павловной Кочубей, по первому браку Белосельской-Белозерской, княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой и графиней Ольгой Эсперовной Шуваловой от 18 декабря 1869 г. В этом имении изначально было 204 195 дес. К 1918 г. после отчуждения части земли крестьянам оставалась 161 000 дес. Таким образом, в обоих владениях числилось около 280 000 дес. Они были проданы за 11 899 991 руб. Эти имения находились в залоге в Нижегородско-Самарском земельном банке. Общие ссуды под них определялись в 2 549 700 руб. и 500 000 руб. [7 л. 8–9]. Следовательно, вплоть до 1917 г., несмотря на крах своих промышленных начинаний, князь Белосельский-Белозерский сохранял в своих руках основной комплекс земельных владений и обладал значительными экономическими ресурсами. Общая сумма, полученная за счет продажи акционерным компаниям сначала промышленных предприятий, а потом земельных вла-

дений должна была достигать 20 млн. руб. Даже учитывая падение стоимости рубля к концу 1917 г., Белосельские-Белозерские смогли извлечь только из своего права собственности значительное денежное состояние.

Городские владения князей Белосельских-Белозерских

Право землевладения русской аристократии на рубеже XIX–XX вв. распространялось не только на имения, расположенные в сельской местности, но и на значительные территории в городах. При этом надо иметь в виду, что в собственности отдельных дворянских семей находились как, что вполне естественно, собственно городские резиденции, зачастую представлявшие собой великолепные дворцы, построенные еще в XVIII – первой трети XIX в., так и обычные городские строения, доходные дома, торговые лавки, территории городских усадеб и даже пустыри. В период ускорявшейся индустриальной модернизации, придавшей городам новые стимулы развития, городская собственность приобретала для аристократии важное и, прежде всего, экономическое значение. Тем не менее трудно в условиях настоящего состояния изученности этого вопроса однозначно судить о размерах городской собственности русской аристократии и о ее значении в поддержании экономического благосостояния. Значительные возможности давала городская собственность в С.-Петербурге и Москве, единственных российских агломерациях, входивших в первую мировую десятку самых населенных городов. Как отмечает Ева Берар, в первые годы XX в. С.-Петербург стремительно менял облик за счет расширения и уплотнения строительства. Это было признаком усиления городской буржуазии, обогатившейся в связи с индустриальным бумом, «освободившейся от оков феодального общества и жадно рвущейся к комфорту, престижу и европейскому признанию». Вкус же новоиспеченных банкиров и прежних купцов разделяют многие сановники, отстраивающие себе роскошные дома и особняки и инвестирующие в жилищное строительство. Так застраивается многоэтажными домами Каменноостровский проспект; их владельцы, среди которых предприниматели и сановники, нанимают именитых архитекторов [16 с. 193–194]. Описание некоторых из этих новых особняков, возведенных аристократией в Петербурге в предвоенные годы, можно встретить на страницах модного тогда журнала «Столица и усадьба». Роскошные новые постройки, включая домашний театр, были возведены в 1912–1914 гг. при особняке князя С.С. Абамелек-Лазар-

рева на Миллионной улице [17 с. 4–7]. Абсолютно новый дом был возведен для князя К.А. Горчакова на Б. Монетной улице около Каменноостровского проспекта [18 с. 5–14].

Князья Белосельские-Белозерские были крупнейшими аристократами-землевладельцами С.-Петербурга. Они владели роскошным дворцом на Фонтанке у Аничкова моста. Правда, в 1884-х гг. этот особняк был продан великому князю Сергею Александровичу, а князь К.Э. Белосельский-Белозерский переселился в свой летний дом на Крестовском острове [11 с. 100–101]. Он представлял собой 3-этажный усадебный дом в стиле барокко, украшенный портиком с застекленным балконом и колоннадой с парными кариатидами. Кроме жилого дома, здесь были хозяйственный корпус, прачечные, конюшня и дом архитектора А.И. Штакеншнейдера. Вокруг был разбит прекрасный парк и цветники, за которым следил целый штат садовников. Напротив дома, у Малой Невки, был устроен гранитный причал, который позволял пришвартовываться яхтам. По словам князя С.С. Белосельского-Белозерского, хотя Крестовский остров находился в городской черте Петербурга, члены семьи чувствовали себя скорее как в сельской усадьбе. Вокруг были обширный лес и открытые поля, удобные для игры в поло [10 с. 15]. В этот роскошный дом владельцы пригласили сотрудников «Столицы и усадьбы». Его подробное описание было опубликовано в одном из номеров журнала за 1917 г.: «Массивные стеклянные двери главного подъезда ведут в обширную переднюю, стены которой почти сплошь увешаны охотничьими трофеями... Из передней вход прямо в ротонду или семидверную комнату. Высокая, круглая, освещенная только верхним светом, она является центром дома. Семь дверей ведут из нее в разные апартаменты, расходящиеся по радиусам... Сверху спускается огромная стеклянная люстра, и тихий звон ее хрусталя усиливает таинственное впечатление. Первые из дверей налево ведут в обширную столовую, стены которой украшены портретами предков... Три массивные, чеканной работы люстры свешиваются над длинным обеденным столом, за который никогда не садится меньше десяти человек. В глубине, на великолепном, резном, из белого мрамора камине стоят бронзовые часы работы известного французского мастера Томира... Одна из семи дверей ротонды ведет в библиотеку, где на полках стоят тысячи больших и малых, преимущественно французских волюмов... Но самым ценным является огромное собрание старых гравюр, литографий и лубочных народных картин... Большая белая гостиная, украшенная тонкою лепною работою, с огромными окнами, выходящими в сад, откуда видна Малая Невка, полна удивительного по красоте фарфора, картин кисти известных

мастеров и старой мебели... Обращает на себя внимание две античные статуэтки, вывезенные из Италии. Это бронзовые – Венера и Вакх... Другая, так называемая малая гостиная, тоже похожа скорее на музейную залу, чем на гостиную в частном доме. Далее зимний сад... Из этих великолепных покоев ведет в верхний этаж крутая лестница... Здесь маленькие уютные комнатки напоминают скорее мансарды старых помещичьих домов.. Это половина гостеприимного хозяина дома, генерал-адъютанта князя Константина Эсперовича. Супруга его, княгиня Надежда Дмитриевна, рожд. Скобелева... Дочери княгини, Елена Константиновна Кочубей, супруга начальника главного управления уделов, и княгиня Ольга Константиновна Орлова» [19 с. 4–7]. Данное описание должно было сформировать у читателя представление не только об эстетических пристрастиях, но об определенном финансовом достатке этой аристократической семьи. На содержание подобных особняков требовались десятки тысяч рублей в год. Учитывая прочие расходные статьи аристократических семей, это предполагало ежегодный доход в несколько сотен тысяч рублей.

Сам Крестовский остров также являлся владением семьи Белосельских-Белозерских. В течении XIX в. Крестовский остров был главным центром спортивных и развлекательных мероприятий Петербурга и приносил свои владельцам огромную прибыль. К 1890 г. на Крестовском насчитывалось 1120 человек постоянного населения и 6000 проживающих в летний период. Между 1903 и 1908 г. земельные участки, составлявшие менее одной десятой части площади острова, были проданы за 1,3–1,5 млн руб., а расширение границ С.-Петербурга предсказывало неуклонный и быстрый рост стоимости принадлежавшей кн. Белосельскому-Белозерскому собственности [20 с. 277]. В проекте запродажной, в частности, указывалось, что договор заключался между Высочайше учрежденным опекунским управлением над имуществом генерал-лейтенанта князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского и Английским обществом с ограниченной ответственностью под фирму «Русский трест» и «Финансовая компания». Условия этого соглашения были следующие. Опекунское управление продавало учредителям из принадлежащего князю К.Э. Белосельскому-Белозерскому в С.-Петербурге на Крестовском острове недвижимого имущества участок земли в 390 878 кв. саженей. Для осуществления покупки этого участка и его дальнейшей распродажи по частям «Русский трест» и «Финансовая компания» обязывались учредить в России Русское акционерное общество с основным капиталом в 5 млн руб. Продажная цена определялась в 5 млн руб., из которых 3 млн руб.

уплачивалось князю Белосельскому-Белозерскому вкладным билетом Русско-Английского банка, а 2 млн руб. акциями Общества. Для получения данного вкладного листа Общество закладывало лицу или учреждению по указанию Русско-Английского банка под первую закладную в сумме 3 млн руб. из 5% годовых на срок по соглашению с банком, но не менее чем на 10 лет. При получении такой закладной Русско-Английский банк должен был выдать вкладной лист, в котором должно быть указано, что банк принял от князя вклад в 3 млн руб. на 5-летний срок и обязуется уплатить князю по этому вкладу 5% в год. Вместе с данным вкладным листом князю должно было быть передано обязательство Русско-Английского банка в том, что последний, в случае желания князя, открывает ему под обеспечение данным вкладным листом онкольный счет в сумме не менее 2/3 нарицательной стоимости вкладного билета, т. е. в сумме не менее 2 млн руб. из процентов в размере не свыше 6 1/2 годовых. Также в случае желания князь Белосельский-Белозерский мог получить обратно из банка свой вклад 3 млн руб. полностью или частично, наличными деньгами, в любой момент до истечения 5-летнего срока. Часть земель Крестовского острова оставалась за князем, но Общество получало преимущественное право ее покупки в будущем. Проданная по этому акту земля представляла принадлежащую князю Белосельскому-Белозерскому собственность по состоянию на 6 сентября 1912 г. [7 л. 2–5].

Заключение

Судя по этому документу, князь К.Э. Белосельский-Белозерский стремился получить не столько сами деньги, сколько возможность получать гарантированный доход с банковских счетов и в виде дивидендов от ценных бумаг. В результате, принимая во внимание последующие переговоры владельцев с частными компаниями о продаже уральских владений, основное состояние семьи Белосельских-Белозерских должно было быть сосредоточено уже не в земельных владениях (в С.-Петербурге и в уральских губерниях), а в значительных денежных суммах на банковских счетах и в ценных бумагах. Однако этот процесс не был завершен полностью до 1917 г., и не случись революции, крупные земельные владения сохранились бы в руках семьи князей Белосельских-Белозерских еще какое-то время. Правительственная поддержка в 1880–1890-е гг. горных округов и тем более установление в дальнейшем опеки отнюдь не являлись благотворительностью. Финансовые неудачи в орга-

низации промышленного производства привели к вполне разумному решению о продаже уральских владений. Но это не привело, разумеется, к разорению этой аристократической семьи. Напротив, продажные операции принесли Белосельским-Белозерским значительные дивиденды, хотя и ценой утраты права собственности на свои старинные земельные владения. Основу состояния теперь составляли банковские капиталы, ценные бумаги и высокодоходная городская недвижимость.

Литература

1. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
2. *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 261 с.
3. *Сапоговская Л.В.* «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 24.
5. РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 25.
6. *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М.: Советская Россия, 1971. 143 с.
7. РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 168.
8. РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 68.
9. *Кутцов И.В.* Род князей Белосельских и Белосельских-Белозерских // Хронист. Историко-краеведческий сборник. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 48–106.
10. Memoires of Prince Serge Sergeevitch Belosselsky-Belozersky. Paris, 1981. 115 p.
11. *Цельяйт М.П.* Дворец Белосельских-Белозерских. СПб.: Белое и черное, 1996. 160 с.
12. *Гиндин И.Ф.* Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1968. № 82. С. 120–162.
13. *Золотова И.А.* Заводы Белосельских-Белозерских в пореформенный период // Троицкий вестник. 2008. № 3. С. 24–36.
14. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 884 с.
15. *Вяткин М.П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л.: Наука, 1965. 400 с.

16. *Берар Е.* Империя и город. Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.
17. Столица и усадьба. Петроград. 1915. № 45.
18. Столица и усадьба. Петроград. 1916. № 62–63.
19. Столица и усадьба. Петроград. 1917. № 76.
20. *Ауфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 394 с.

References

1. Lieven D. Aristocracy in Europe. 1815-1914. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt Publ.; 2000. 364 p. (In Russ.)
2. Buranov YuA. Equitization of the mining industry of the Urals (1861–1917). Moscow: Nauka Publ.; 1982. 261 p. (In Russ.)
3. Sapogovskaya LV. “Old” owners of the Ural mining districts in the second half of the 19 – early 20th century. Experience in the typology of management. *Voprosy istorii*. 2006;3:19-34. (In Russ.)
4. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fond 1480. Opis’ 1. Ed. khr. 24.
5. RGADA. Fond 1480. Opis’ 1. Ed. khr. 25.
6. Minarik LP. Economic characteristics of the largest landowners in Russia at the end of the 19 – early 20th centuries. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.; 1971. 143 p. (In Russ.)
7. RGADA. Fond 1480. Opis’1. Ed. khr. 168.
8. RGADA. Fond 1480. Opis’1. Ed. khr. 68.
9. Kuptsov IV. The family of the princes Beloselsky and Beloselsky-Belozersky. V: Chronist. Historical and ethnographic collection. Chelyabinsk: Tsitsero Publ.; 2016. p. 48-106. (In Russ.)
10. Memoires of Prince Serge Sergeevitch Belosselsky-Belozersky. Paris, 1981. 115 p.
11. Celjadt MP. The Beloselsky-Belozersky Palace. Sankt-Peterburg: Beloe i chernoe Publ.; 1996. 160 p. (In Russ.)
12. Gindin IF. Government support of the Urals magnates in the second half of the 19th – early 20th. *Istoricheskie zapiski*. 1968;82:120-62. (In Russ.)
13. Zolotova IA. The Beloselsky-Belozersky factories in the post-Reform period. *Troitskii vestnik*. 2008;3:24-36. (In Russ.)
14. Alekseev VV., Gavrilov DV. Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day. Moscow: Nauka Publ.; 2008. 884 p. (In Russ.)
15. Vyatkin MP. Mining and metallurgical Ural in 1900–1917 years. Moscow; Leningrad: Nauka Publ.; 1965. 400 p. (In Russ.)

16. Bérard E. Empire and the city. Nicholas II, “The World of Art” and the City Duma in St. Petersburg. 1894-1914. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2016. 344 p. (In Russ.)
17. Stolitsa i usad’ba. Petrograd. 1915. № 45. (In Russ.)
18. Stolitsa i usad’ba. Petrograd. 1916. № 62-63. (In Russ.)
19. Stolitsa i usad’ba. Petrograd. 1917. № 76. (In Russ.)
20. Anfimov AM. The large landlord economy of European Russia at the end of the 19th – early 20th centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 394 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Е. Юдин, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, ул. М. Пироговская, д. 1; evgeny_yudin@mail.ru

Information about the author

Evgeny E. Yudin, Ph.D. in History, Moscow State University of Education, Moscow, Russia; bld. 1, M. Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia; evgeny_yudin@mail.ru